

ВОСКРЕСНЫЕ ЧТЕНИЯ

Встреча

ДВА ТОПОЛЯ В ЛЕФОРТОВЕ

Этот актер умеет быть в роли и необычайно симпатичным и добрым, но может мгновенно преобразиться в человека едко-го, коварного, злого. Умеет сочетать героическое и трогательное, трагическое и смешное.

Народный артист РСФСР Лев Дуров происходит из династии знаменитых русских циркачей — дрессировщиков и клоунов. Кстати сказать, слово «клоун» вполне применимо к его манере исполнения. Недавно прошла по экранам картина «34-й скорый», где герой Дурова — чудаковатый и мужественный клоун Мульти, рискуя собой, спасал людей из огня. А вслед за этим фильм «Не бойся, я с тобой!», где Лев Дуров опять сыграл циркача. Сан Саныча.

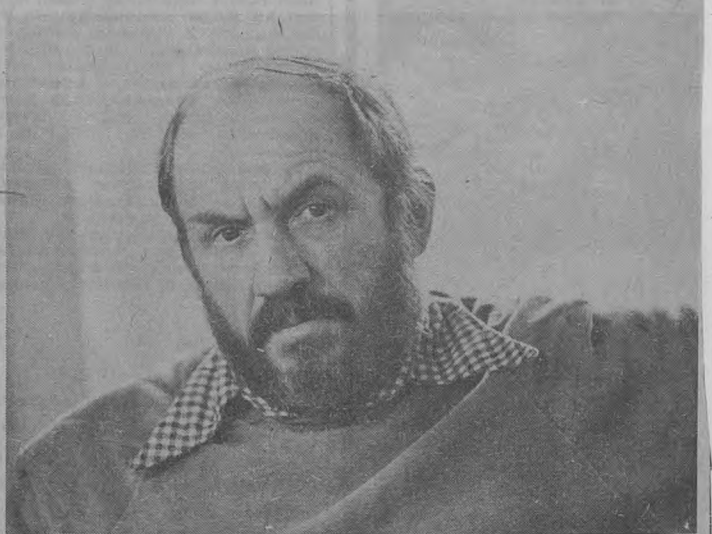
Когда видишь Льва Дурова впервые, то кажется, что внешние данные давно должны были сделать его «комедийной звездой». Однако комическое в его игре приняло столь сложный вид, что назвать Дурова просто комиком не повернется язык даже у самого смешливого зрителя. А в роли штабс-капитана Снегирева в спектакле «Брат Алеша» (по роману «Братья Карамазовы») Дуров поднимается до высот подлинной трагедии. Правда, трагическое актер выявляет своеобразно — через фарс. И его игру, наверное, можно было бы назвать «трагической клоунадой».

В разговоре с Львом Константиновичем я спросил: не огорчен ли он, драматический актер, словом «клоун» в свой адрес?

— Нисколько, — сказал Дуров. — По моим представлениям, называться клоуном большая честь. Сейчас среди актеров стало модным чураться ампула: Мне понятно желание играть роли самые разные, но ведь нужен и трезвый взгляд на свои возможности. В старом театре артист, подвизавшийся, допустим, на ролях «простаков», читая новую пьесу, всегда знал: вот эта роль — моя! Конечно, бываю режиссерские эксперименты, когда Гамлета играет актер, больше похожий на Полония. Но я сейчас говорю не про исключения, а про правила. Имея ампула, артист может совершенствовать его от роли к роли, углубляться в изучение какого-то определенного человеческого типа. Понятие «ампула» рождено не только театральной практикой, оно пришло из жизни. Не так уж важно — кого играть. Главное — во имя чего?

...Творческая судьба Льва Дурова в кинематографе и театре складывалась неодинаково, хотя дебют его на экране и на сцене состоялся одновременно — в 1954 году, когда он закончил школу-студию МХАТа. В кино он сыграл тогда небольшую роль в малоприметной картине «Доброе утро», которая не принесла ему ни славы, ни творческого удовлетворения. На сцене он связал свою судьбу с ныне широко известным театральным режиссером А. Эфросом. Вместе они были в Центральном детском театре, затем — в Театре имени Ленинского комсомола и наконец в Театре на Малой Бронной, где работают и сейчас. А после окончания в 1978 году Высших режиссерских курсов Дуров и сам поставил несколько интересных спектаклей. В кинематографе же «звездный час» пришел к нему только через семь лет после дебюта, когда М. Ромм пригласил его в свою знаменитую картину «Девять дней одного года».

В театре Дуров играет Яго в шекспировском «Отелло», Сганареля в «Дон Жуане» Молье-

ра, капитана Жевакина в «Женитьбе» Гоголя... Кинематограф, телевидение такой драматургии ему не предлагают. Более того, даже просто крупные, центральные роли на экране ему достаются редко. И все же он сумел, пусть иногда в небольших эпизодах, доказать свой незаурядный талант и блестящее мастерство. Особо удаются Дурову на экране образы людей необыкновенных, загадочных, яростных в своих страстях — пагубных или возвышенных. Вспомним милиционера из картины «Я шагаю по Москве», официанта из «Калины красной», охранника Рафинада из телефильма «Вся королевская рать», провокатора Клауса из «Семнадцати мгновений весны». Какая гамма человеческих качеств и характеров! А роли Дурова в комедии «Старик — разбойник», в приключенческом фильме «Вооружен и очень опасен», в кинофантастике «Москва — Кассиопея» и «Отроки во Вселенной»?.. Даже в картинах на современные темы, сделанных в бытовой манере, — «Ксения, любимая жена Федора», «Жить по-своему», «Последний день зимы», «Верой и правдой» — Дуров заостряет внешние и внутренние черты своих персонажей, не боится разрушить жизненную достоверность, используя яркие актерские краски.

— Большинство наших артистов театра снимается в кино. Но очень часто образы, созданные ими на экране, гораздо бедней, чем сыгранные на сцене, — говорит Лев Дуров. — Может быть, виной тому репертуар? Я очень часто отказываюсь от съемок из-за слабых сценариев. И когда фильмы по этим сценариям появятся на экране с другими исполнителями, я никогда не жалею, что отказался. Исключением является только роль Савушкина в картине «Мертвый сезон», сыгранная Роланом Быковым, которую сначала предлагали мне. Но скажу и другое: настоящая известность к актеру чаще всего приходит не за сценические работы, а только за участие в популярном фильме. Я люблю работать в кино. Снял уже почти в семидесяти фильмах. Вот и сейчас на пути к экрану сразу несколько новых картин с моим участием: играю Горгона — человека, жаждущего обогащения, в «Сказке странствий», исполняю также одну из главных, очень дорогую для меня роль — Павла в фильме по повести В. Распутина «Прощание с Матерой». В роли Павла впервые попытался сменить броский актерский стиль на более бытовое повествование о своем герое.

— Трудно ли менять представление о себе в глазах коллег, критиков, зрителей?

— Трудно. Но в искусстве ничего не дается легко. Есть актеры, которые любят ходить в «обиженных». Я не страдаю излишним оптимизмом, но утверждаю: загубленных талантов мало, если они вообще есть. Вот вам яркий пример — Смоктуновский. Если вы прочтете книгу его воспоминаний, то увидите, как долго и трудно добивался он признания. Но он не потерялся, продолжал работать. К сожалению, многие «обиженные» ходят и хнычут, теряя при этом последние остатки умения и способностей. А ведь актер может поторопить свой час — самостоятельно подготовить роль, показать себя. Актер должен даже свою обиду использовать на дело — гореть желанием переломить мнение о себе.

— А вы не сомневались никогда в избранном пути, в своей профессии?

— Не сомневался. Бывает другое: нападет неуверенность в силах. Такое со мной случается часто, особенно, когда очередная работа подходит к концу. Помню, перед выпуском «Женитьбы» на одной из последних репетиций режиссер спектакля Анатолий Васильевич Эфрос сказал мне: «Это будет твоя неудача». И я так думал. Но вот спектакль идет уже несколько лет, и все единодушно утверждают, что капитан Жевакин — один из лучших моих ролей. А вообще-то я считаю, что в искусстве, да и в любой работе, сомнения необходимы.

— И последний вопрос, Лев Константинович. Над чем работаете сейчас?

— Недавно в театре на Малой Бронной совместно с кинорежиссером К. Худяковым мы поставили спектакль «Веселчаки», где я еще и играю одну из главных ролей. Пьеса написана современным американским драматургом Н. Саймоном, рассказывает она о пожилых людях, бывших актерах варьете. Что привлекло меня в пьесе? Сильно и ярко выраженная идея: в одиночку не выстоять одному. Мне это близко и понятно.

Я люблю театр, в котором работаю. Меня приглашали в другие коллективы, но я не ушел. Всем нужны привязанности, каждому необходим его личный мир, свой дом. Я родился и до тридцати лет прожил в старом московском районе Лефортово. Жили мы большой семьей всего в одной, узкой и тесной комнатке. Друзья прозвали нашу комнату «танком». Так и говорили: «Пойдем к Дурову в танк!». Казалось бы: не ах какие воспоминания! Но до сих пор у входа в Лефортовский дворец стоят два тополя, посаженные еще моим отцом...

Вел беседу В. ГРИБАНОВ.
Фото А. Володина.